

Мостик Владимир

17.03.04

16

11 – 17 марта 2004 г.

ПОД ЗАНАВЕС

ВЛАДИМИР МОТЫЛЬ:

Без характера в кинематографе соваться нечего

В этом году знаменитому "Белому солнцу пустыни" исполняется 35 лет. Нестареющий фильм является культовым для нескольких поколений зрителей. Его, как талисман, перед стартом до сих пор смотрят наши космонавты. Обойдя сотни стран, картина вместе с нефедолларами исправно пополняла казну государства, а Владимиру Мотылю не раз говорили на Западе: сними он фильм такого успеха в Америке, в дальнейшем снимать кино можно было бы на собственные средства. Однако в советской системе следующей после "Белого солнца..." картине Владимира МОТЫЛЯ "Звезда пленительного счастья" пришлось пробиваться через цензуру более пяти лет. А в свободной России – другая крайность: с тех пор как Мотыль снял свой последний фильм, прошло уже целых семь лет, однако ни один из созданных им за это время исторических киносценариев, не найдя средств реализации романтических историй, не вписался в общий поток малобюджетных однодневок. Лишь теперь Владимир Яковлевич надеется воплотить наконец один из сокровенных своих замыслов.

– Владимир Яковлевич, и как же будет называться ваш новый фильм?

– Пока условное название – "Багровый цвет снегопада". Действие начинается в 1916-м и разворачивается в середине 20-х. Если в "Звезде пленительного счастья" было три романа трех героинь, то здесь три совершенно несхожих романа одной героини. На ее судьбу обрушаются вихри тех лет. Чтобы молодому зрителю или зарубежному觀者に見えたかった。しかし、この文は「彼の」ではなく「私」の視点で書かれています。

– А ведь за семь лет вы могли бы снять, наверное, три-четыре картины, не так ли? Ну хотя бы две. Неужели не жаль?

– Уверен, российским кинематографистам давно пора перестать плакаться: "Ах, тяжко! Америка, Запад отобрали прокат!" Что за последние годы мы сделали конкурентоспособного? Не только молодые, даже мэтры? Вот фильм "Сибирский цирюльник", как было заявлено, обошелся в 45 миллионов долларов, а оправдал лишь десятую часть. Или "Венценосная семья", потратившая 11 миллионов долларов, где она? Подобные примеры отвращают потенциальных инвесторов от участия в дорогостоящих проектах.

– Ваши картины каждый год не по одному разу показывают по ТВ. Вы получаете какие-либо проценты?

– Проценты от телепоказов выплачиваются создателям фильмов только "Мосфильм". "Мосфильм" – это прежде всего Карен Шахназаров. Он режиссер, и наши нужды ему по-

"Несут меня кони..." вы сняли семь лет назад; три года у вас ушло на проект "Багровый цвет снегопада". А до этого что делали?

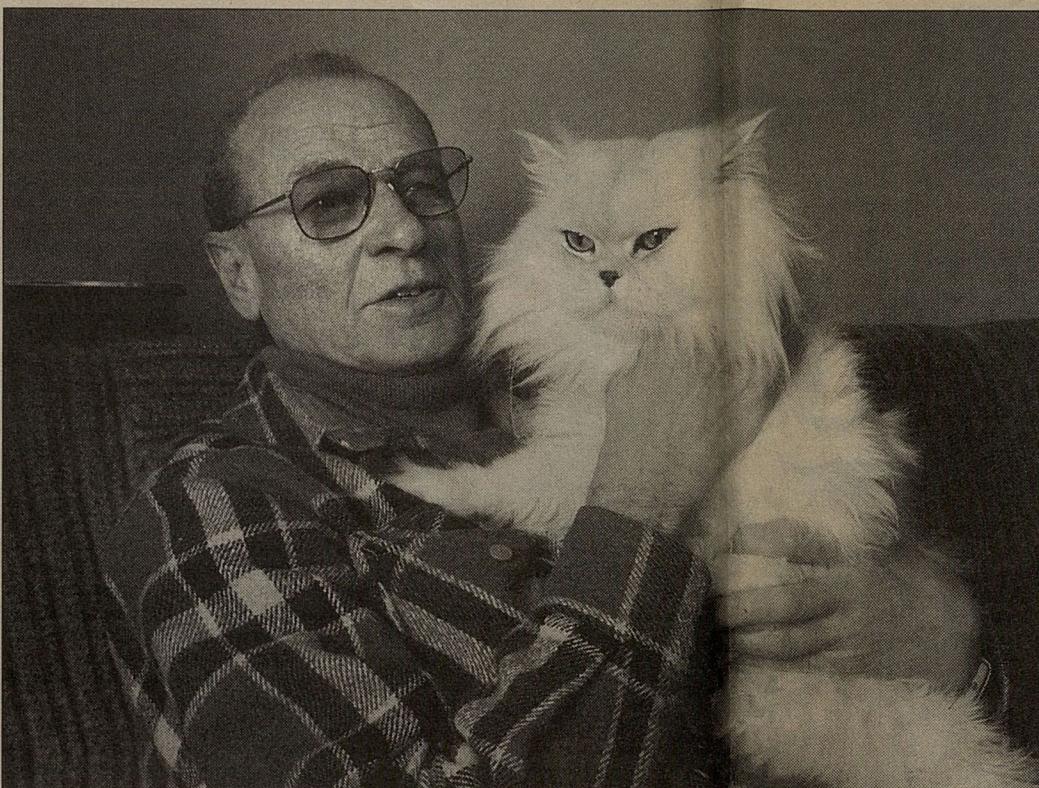
– Сработал три сценария. От части помогли гранты, которые я выигрывал в конкурсах. По гранту президента Ельцина написал сценарий "Венец заложников судьбы". Предполагалась большое полотно о тех же годах, что и "Звезда пленительного счастья". Потом выиграл грант Сороса – написал сценарий "Смертельная дружба". Докопался до документов, которые показывали, что Сталин не только мог убить Кирова, но и не мог его не убить. На телевидении кино по такому сценарию снимать не захотели. Созданный тираном его позитивный имидж упорно пытаются реанимировать. Молодые невежды говорят даже, что мечтали бы пожить при нем. Посмотрел бы я на них, окажись они в той эпохе! Третий грант, опять же завоеванный в конкурсе, был уже при Путине. Хотел написать вторую заключительную часть сценария "Венец заложников судьбы". Однако со временем Ельцина грант не индексировался и настолько "усох", что закончить вторую часть киноромана удалось лишь наполовину.

– А ведь за семь лет вы могли бы снять, наверное, три-четыре картины, не так ли? Ну хотя бы две. Неужели не жаль?

– Уверен, российским кинематографистам давно пора перестать плакаться: "Ах, тяжко! Америка, Запад отобрали прокат!" Что за последние годы мы сделали конкурентоспособного? Не только молодые, даже мэтры? Вот фильм "Сибирский цирюльник", как было заявлено, обошелся в 45 миллионов долларов, а оправдал лишь десятую часть. Или "Венценосная семья", потратившая 11 миллионов долларов, где она? Подобные примеры отвращают потенциальных инвесторов от участия в дорогостоящих проектах.

– Ваши картины каждый год не по одному разу показывают по ТВ. Вы получаете какие-либо проценты?

– Проценты от телепоказов выплачиваются создателям фильмов только "Мосфильм". "Мосфильм" – это прежде всего Карен Шахназаров. Он режиссер, и наши нужды ему по-

В.Мотыль

нятны. Картинами же "Ленфильма" в обход закона об авторском праве захватила частная фирма Владимира Достоля, которая доход от телепоказов присваивает себе. У России до сих пор еще феодально-коммунистический менталитет: ты все время зависишь не от закона, а от чьего-то благоволения.

– Скажите, а фильмов у нас действительно сейчас производится намного больше, чем в советское время?

– Фильмов снимается очень много, но подавляющее их большинство идет в никда. Тот факт, что по уровню коррупции Россия занимает одно из первых мест в мире, общеизвестен. А кинематограф, что, в стороне от этого процесса? Существует так называемый "откат". Это убийственная формула. Вот безработный молодой режиссер в отчаянии ищет деньги, а ему говорят: "Мы даем тебе, скажем, полмиллиона долларов. Триста тысяч ты обналичишь и вернешь нам". Таким образом наши промышленно-финансовые бендеры прикарманивают львиную долю своей лигитимной инвестиции. Конечный продукт "инвестора" не интересует. Для него даже лучше, что картина мало кто увидит. Да и настрадавшийся режиссер сколько-то отщипнет себе. И расплачется. Попав в этот круг, режиссер не очень-то будет задумываться, заработает его фильм или нет, вернет он полученную инвестицию или не вернет. И в результате мы имеем то, что имеем. Убежден, американское кино никогда не знало, что такое "откат". Если их картина стоит, например, двадцать миллионов долларов, то в отличие от нашего "супердорогого" кино все двадцать видны на экране. Понимаете, режиссер должен вы-

кладываться без остатка, только тогда на пути к творческой цели он способен одолеть любые препятствия. Михаил Ромм говорит: "Снимать кино – значит ежедневно преодолевать непредодолимое".

– Ну а хорошее-то кино тем временем кто-нибудь снимает?

– Слава Богу, ниточка связей времен не порвалась совсем. Изредка в стороне от мутных потоков пробиваются и чистые ручьи. Яркий пример, где искреннее гуманистическое ис-

кусство обрело зрительский отклик, – картина "Возвращение". Это фильм с крепким фундаментом мировой кинематографической культуры прошлого как нашей, так и европейской. Но успех этот лишь подчеркивает поражение большинства поделок молодых, давно шумящих о кино будущего, которое оборачивается дилетантизмом, формальными эпизодами и пустотой бездуховности. В недавнем прошлом запомнился яркий дебют Филиппа Янковского – картина "В движении". Фильм большой внутренней энергии, его профессиональные качества не уступают художественному уровню достойных образцов западной кинорежиссуры. Или картина Тодоровского-младшего "Любовник". Мастерскую, талантливую руку режиссера не увидеть нельзя. А еще раньше – фильм Янковского-старшего и Агановича "Приходи на меня посмотреть...". Камерная история, но как блестательно работают актеры!

– Вы считаете, он способен снять "новое кино"?

– За мифическим "новым кино" в массе своей, кроме непрофессионализма, беспомощности и дилетантизма, не прятается ничего. В нем отсутствует главнейшая составляющая искусства – духовность. "Новое кино" – это то, что зритель смотреть отказывается. Часто говорят: "Это арт-хаус", – однако подлинного арт-хауса у нас единицы на сотни подделок.

– А Муратова?

– Конечно, талант Муратовой из категории арт-хауса. Однако ее позиции в искусстве антигуманы. Последний фильм Муратовой "Чеховские мотивы" справедливо было бы назвать "мотивами античеховскими". Ведь Антон Павлович любил всех своих персонажей. Всех! Даже к гротескным, водевильным фигурам он относился с мягкой улыбкой. У Муратовой же – мизантропия, разрушение, безверие.

– На примере предпоследнего и последнего наборов могу сказать, что в

– Кстати, а вы Чехова не пытались экранизировать?

– В молодости пытался дважды. Но каждый раз мои старшие невежественные коллеги, прослышив о моих намерениях, тут же вырывали у меня замыслы. Вытаскивали, как у Каштанки кусок мяса из желудка. Когда после дебюта с "Детьми Памира" я хотел экранизировать "Трех сестер", супруга одного из маститых режиссеров воспылала ролью Маши, и мэтр отнял у меня идею, сделав, кстати, чудовищно ремесленную поделку на уровне провинциального передвижного театра. И только в годы изгнания из кино я снял телефильм "Невероятное пари..." по нескольким чеховским рассказам, где удалось собрать ансамбль таких блестательных актеров, как Алексей Петренко, Ира Муравьева, Михаил Козаков.

– Насколько мне известно, у вас были проблемы даже с "Лесом" Островского?

– По тем временам я совершил "преступление" – не последовал за Островским буквально. Внес в картину что-то и от современности, и от собственных представлений о характерах героев. Мои именитые коллеги объясняли руководству Госкино всю "взрывоопасность" моей картины, и ее почти на десять лет положили на полку. Фактически на тот же срок изменили меня из кино.

– Как это было возможно? Ведь к тому времени вы уже сняли и "Женю, Женечку и катошу", и "Белое солнце пустыни", и "Звезду пленительного счастья"...

– Спасибо, что не упрашивали в лагерь. Была очень удобная система сведения счетов со всяkim, кто отился от стаи. Для приближенных к власти коллег я всегда был волком-одиночкой. Они использовали нехитрый прием – спичили пьесу с фильмом, а текст, разумеется, не всегда совпадал с текстом пьесы. Я вынужден был спасаться на телевидении. Принес председателю Гостелерадио Лапину идею многосерийного фильма "Илья Ильч женится" по мотивам Гончарова. Человек высокородившийся в русской литературе, Сергей Георгиевич хорошо отнесся к замыслу. Серия включила в план ЦТ. Когда заканчивал первые серии, жизнь свела меня со знаменитым Шкловским. Трудно понять, как он, будучи зерном, не признававшим Советскую власть, выжил в годы революции и Гражданской войны! Мало того, писал сценарии, был консультантом исторических лент. Виктор Борисович спросил, как я представляю композицию "Обломова". Когда я ответил, он закричал своей жене: "Сергей, послушай! Он поднял Обломова с дивана!" Действительно, начальной сценой у меня был эпизод, когда Обломов крадется к окну и ждет. У модного дома на Горюховой появляется экипаж, а через некоторое время красавая молодая женщина – Ольга Ильинская. И вдруг! Руководство ЦТ выкидывает из плана мою экранизацию. Выкидывает без объяснения причин. Лапин меня принял отказавшись, и мне лишь намекнули, что министра посетило некое влиятельное

тогда лицо. Мог ли я, изгнанный из кинематографа, сражаться с высокими невидимками? Словом, пока я больше года возился с сериями, Михалков-младший меня обскакал.

– Юбилей "Белого солнца пустыни" будет праздноваться?

– Уже отпраздновал. В Великобритании, в студенческом городе Лидс, традиционно устраиваются международные кинофестивали. На этот раз он был посвящен вестерну: американскому, европейскому и, представьте, "красному" вестерну (имелся в виду русский вестерн). Американцы, кстати, некогда называвшие замечательные вестерны Серджо Леона "спагетти-вестернами", назвали "Белое солнце пустыни" "борщ-вестерном". И вот моя картина закрыла фестиваль в Лидсе.

– И кто же был в зале, эмигранты?

– Русских почти не было. В основном – молодые англичане, которые видели фильм впервые. Могу сказать, что восприятие картины ничем не отличалось от отечественного. Знаете, английский и русский характеры похожи гораздо больше, чем можно себе представить. Это видно даже по тому, как там нарушают правила перехода улиц, как просто могут что-то пообещать и не выполнить или опоздать к условленной встрече. И при этом, надо отдать должное, принимают щедро.

– Где-то слышал, что американская киноакадемия включила "Белое солнце пустыни" в число лучших фильмов всех времен...

– Меня никто об этом не извещал. Помню, когда фильм попал на Запад, пришло приглашение культурного атташе посольства Великобритании. Речь шла о возможной работе в Англии, но мама в слезах умоляла туда не ходить: слишком трагична была судьба моего здадистого отца.

– Читал о трагедии вашей семьи в советское время. Но неужто вы так просто согласились с мамой?

– Вам трудно это понять. Отца схватили, когда он побывал у консула Польши в Минске. Он был польский эмигрант и зашел похлопотать за свою мать, польскую гражданку, чтобы Советы ее выпустили из России. Польша тогда была независимой, а моей бабушке не давали вернуться в родной Вроцлав. Отца в тот же год сгубили на Соловках... У матери однажды слово "посольство" вызвало ужас.

– Вы убедили меня в справедливости высказывания ваших друзей, на которое я наткнулся в Интернете. Они сказали, что стойкость Мотыля сравнима разве только с ДнепроГЭСом...

– Да? Я этого не слышал. Впрочем, без характера в кинематографе соваться нечего. Когда отчаяние хватает тебя за горло, но ты находишь в себе силы продолжить... И взять реванш. Если к этому нет воли, в кино делать нечего.

Беседу вел

Олег ДУЛЕНИН

Фото Ирины КАЛЕДИНЙ